

Игорь Гр. Заманский

ДОКУ———— МЕНТАЛЬНЫЙ РОМАН

Издательство «Наш мир»
2026

Игорь Г. Заманский

Документальный роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74226261

Документальный роман:

ISBN 978-5-908000-70-3

Аннотация

Игорь Заманский, чью книгу вы держите в руках, член Союза писателей России, хотя по своей специальности он экономист.

Книга состоит из личных воспоминаний, включая детство, юность и годы работы в сфере науки. Автор отличается собственным взглядом на известные всем события и взаимоотношения.

Содержание

Введение	6
Глава 1. Подход к теме	9
Глава 2. Корни. Семья, детство, юность	24
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Игорь Заманский

Документальный роман

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электрической или механической форме, в виде фотоконии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от автора. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия автора является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Заманский И.Г., 2026

Оформление Издательство «Наш мир», 2026

* * *

Сильные эмоции приближают нас к нашему внутреннему Я. Чувство принадлежности, знание «это было и в этом было и есть я». На клочок бумаги, где нить жизни заключена как на фотографии. И эта нить — связь не только прошлого с настоящим, но и с будущим. Приносит облегчение, чувство духовного объятия с землей и местом, что были

*свидетелями твоего существования. А далее мир,
тишина, завершение... Выдох...*

Ron Vel

Введение

Вот есть такое слово-неопределенность: **вообще-то**. Мы произносим его довольно часто, ещё даже не сложив в голове четкого понимания, что конкретно в следующую минуту должно прозвучать. Слово – пауза. А затем: «Вообще-то я хотел бы начать с вами разговор вот на какую тему». Или с этого же слова начинаем свой ответ на чью-то реплику: «Вообще-то, если позволите, я хотел бы внести дополнение в то, о чем вы только что сказали». Или задаем вопрос: «Вообще-то здесь возникает вот какой вопрос...». Или возражаем: «Вообще-то вы, конечно, правы, однако посмею все же на это вам возразить...».

Последнее как раз особенно важно, потому что то, из чего состоит эта книга, **вообще-то** может вызвать множество возражений и замечаний. Но меня это не остановило по нескольким причинам:

- во-первых, данная книга это мое частное и честное самовыражение, поскольку я являюсь типичным представителем своего поколения;
- во-вторых, я ни на что не претендую, ни на славу, ни на гонорары;
- в-третьих, я априори согласен, что могу в чем-то быть неправ.

Откровенно говоря, я не знаю, зачем взялся за труд, у ко-

торого окончание скорее всего может быть лишь при известных обстоятельствах. И кому он нужен? Наверное никому, кроме меня. Я сомневаюсь, что даже мои близкие вряд ли прочли все, что я написал. И успокаиваю себя тем, что всё-таки нужно! Прежде всего, мне самому. И Делакруа, и Лев Толстой и другие великие приводили одну и ту же причину, заставившую их писать дневники – это удовольствие, которое они получали при чтении ранее написанных страниц. Как видите, ни о каком всенародном успехе речь не шла, а лишь о собственном удовольствии!

Дневников, к сожалению, я не вёл, но и без них мне приятно купаться в своих воспоминаниях, хотя по этой причине они, возможно, не всегда точны. Но и это меня не останавливает. Мне приятно снова находиться в творческом порыве, наедине с великим и богатым русским языком. Приятно, наконец, быть наедине с самим собой! И вместе с тем я надеюсь, что и другим тоже будет любопытно заглянуть в мои записи.

Не будучи профессиональным писателем, я в какой-то момент увлекся сочинением стихов и записыванием интересных фактов и своих неинтересных мыслей. Скорее всего это было хобби, которое может быть у каждого человека. У меня вот такое: что-нибудь вдруг пришло в голову, взять и записать. То есть это прежде всего нужно было мне самому. И многое из того, что увидит читатель, уже имеется в других моих книгах. Но я не стесняюсь повторяться. Многие про-

фессиональные писатели пользовались и пользуются этим, перенося одни свои произведения в другие сборники. Конечно, хотелось бы надеяться, что написанное мною покажется кому-то интересным, пусть даже единицам. Я удовлетворюсь и единицами, принявшими мое творчество.

А **вообще-то** пора переходить, собственно, к самой книге... С чего же начать?

Глава 1. Подход к теме

Мотивация написания книги. Причины. Взгляды. Основные темы и идеи

А начать надо с мотивации.

Есть люди, которые родились и воспитывались в 40–60-х годах. Учились, женились или выходили замуж в 70-х. Работали в 80-е годы, а многие работают до сих пор. Они меняли своё мировоззрение в 90-е. Прозрели в 2000-х. Удивлялись в 2010-х годах. И не сдаются в 2020-х годах! Пережито почти семь разных десятилетий. Два разных века. Два разных тысячелетия.

Представители этого поколения носили шорты, длинные брюки, оксфорды, шорты-бермуды или мини-юбки, макси-юбки, лосины, шаровары и т. д. Они ходили в валенках, сапогах, кедах, ездили на самодельных самокатах, где вместо колёс – шарикоподшипники, затем на велосипедах, мопедах, а нынешние ездят на гибридах или электрических самокатах, велосипедах, моноколесах, скутерах и автомобилях... Они знали, как печатать фотографии, при них появились первые компьютеры, перфокарты, дискеты, а теперь в руках гигабайты и терабайты на мобильных телефонах или

айпадах.

Пройден путь от писем к видеосообщениям в любую точку мира, от диафильмов и слайд-шоу к Youtube, от виниловых пластинок к онлайн-музыке, от рукописных писем к электронной почте и различным социальным сетям. От прослушивания футбольных матчей по радио к просмотру черно-белого телевидения, а затем и телевидения высокой четкости. Когда-то они ходили в «Видеоклуб», а теперь смотрят Netflix и взялись за ИИ (Искусственный Интеллект). Они избежали инфантильного паралича, менингита, оспы, гриппа H1N1, лихорадки западного Нила и ковида. Да! Такие люди прошли через многое, но какая замечательная и интересная жизнь была у них! А у нынешних что? Хуже?

Я не марксист, но не могу не привести слова К.Маркса, который считал, что сущность человека есть «...совокупность всех общественных отношений». Если брать отдельно каждое измерение жизни, то, возможно, моё поколение прожило и пережило не больше, чем любое другое в истории человечества. В каждом измерении свои события, свои условия, требования и оценки. И любое поколение всегда адаптировалось к этим изменениям. Поэтому аплодисменты всем представителям любого поколения, каждое из которых было и остается уникальным, несмотря ни на что!

Человек постоянно, почти на протяжении всей жизни ждет чего-то хорошего, хотя и не всегда определенного. И это ожидание часто поддерживается, наверное, иллюзией.

Она успокаивает и убаюкивает. Она скрывает от нас ужасную, извечную тщету жизни и вместо подстерегающих нас неприятностей показывает лишь постоянно ускользающее от нас счастье. Чтобы мы делали без иллюзии? Она называется вечной надеждой, вечной радостью, вечным ожиданием; она называется иногда поэзией, музыкой, просто верой и Богом! Многие утрачивают эту самую иллюзию, эту лгунью и видят жизнь в действительности, а это часто бывает очень неприятно и порой страшно. Человек не может и не должен отказываться от своего личного счастья ради того, что у нас называется общностью бытия. Человек – это настолько сложное переплетение социальных отношений, что несчастье кого-либо на нём одном никогда не замыкается.

Кто-то скажет: а что это ты о себе возомнил, что считаешь возможным предлагать себя в качестве жизнеописателя? Ты – кто? Лев Толстой, Томас Манн, Стефан Цвейг...?

Отвечу: никто. Всего лишь Игорь Заманский. Захотел вот и пишу. Не интересно, не читайте.

Я отношу себя к среднему классу: по рождению, по физическому развитию, по образованию, по эрудиции, по доходам (в реалиях активного трудового времени) и даже по пенсии. Правда, по поводу пары последних определений я уже сомневаюсь в столь «высокой» самооценке.

Записки о себе, как маленькой частицы своего поколения, начну с того, что начало своей жизни отношу к 1917 году, хотя родился в 1941. Я поступаю так, потому что считаю, что

события того времени, тех лет отразились на моей жизни, как и на жизни целого поколения. И не только моего. Не могу, да и невозможно отделить свое рождение от того, что произошло на два с половиной десятка лет раньше. Российская, или как её называли большевики, пролетарская, революция 1917 года повлекла за собой такие титанические сдвиги, – не только в нашей стране, но и на планете, – которые, признаюсь, трудно (невозможно!) описать неопиту от литературы (политологии, социологии и пр.). Но ощущения и собственные, ни на что не претендующие, оценки почему бы не привести?

Я не слишком обольщаюсь прошлым и настоящим нашей страны. Начиная с момента вступления на престол Николая Второго, то есть с 1894 года в России не было ни одного адекватного правителя. Николай Второй оказался безвольным главой великой страны и фактически своим отречением предал Россию, по сути стал преступником, отступившим от неё, предавший своих поданных и тех, кто готовы были сражаться за свою погибающую родину. Недаром его теща, принцесса Великобритании Алиса Гессенская, была против брака своей дочери (будущей Императрицы Александры Фёдоровны) с Николаем, считая его слабым, бесхарактерным мужчиной.

А 1917 год – это вообще позорный год в истории России. Один смутьян перевернул страну с ног на голову, замутив головы безграмотных рабочих и крестьян, которые возмни-

ли о себе черт знает что. И началось! Сколько было уничтожено людей только за то, что они были из другого класса, образованы, интеллигентны!

Основу демократических сил в стране всегда, как правило, составляла интеллигенция. В 1917 году именно она всколыхнула всю страну и повела за собой безграмотные массы. Но Маркс создал настоящий миф о пролетариате, миссия которого стала предметом веры Ленина, и Ленин изменил своему социуму, обозвав его неприличным словом. Неужели он оказался прав? Ведь опыт 90-х годов прошлого столетия показал, что допущение их к власти в России неприемлемо. Насколько приятно общение с этими интересными, умными, безусловно, лучшими представителями любой страны, настолько абсурдны надежды на изменения к лучшему в системе управления нашей страной в случае их прихода к власти. В итоге, всё равно власть переходит к тем, кто своим цинизмом и жадой наживы или власти перечеркивает все справедливые народные чаяния. В первом случае (1917) это были кухарки и солдатня, во втором (90-е годы) – болтуны. И те и другие не к месту. А другой власти я, к сожалению, не знаю. Может быть поэтому, с некоторых пор нахожусь в состоянии молчаливой оппозиции к ней.

1917 год – год катастрофы России. Это моё мнение. И уверен, что сегодня с ним согласятся многие. «Народ безмолвствовал и ждал часа, когда он скажет свое слово. – Писал Николай Бердяев в своей книге «Русская идея. Истоки и смысл

русского коммунизма» – Когда этот час настал, то он оказался гонением на интеллигенцию со стороны революции, которую она почти целое столетие готовила».

Место царизма заняли большевики под разными знаменами: РСДРП, ВКП(б), КПСС и их подпевалы, объединенные в различные общества и группировки (комсомол, профсоюзы и др.). Прошло более столетия и возврата к прежнему нет. И слава Богу! Поскольку царская Россия не являла собою пример для подражания. Слабостью царизма и воспользовались большевические реформаторы, оперевшись на безграмотное народное большинство. Я присоединяюсь к словам Сальвадора Дали, который писал: «Я не верю ни в коммунизм, ни в национал-социализм и вообще не верю в революцию... Революция меня вообще не интересует, потому что обычно завершается ничем, если не оказывается **прямой противоположностью** тому, что провозглашала» (*здесь и далее подчёркнуто мною*). И далее, что уже не удивительно, он говорит о корнях нашей **платонической** любви к демократии (*Сальвадор Дали. Триумфальные скандалы. «Берегиня», 1993*). Но об этом пока не буду...

Что С.Дали прав, можно сослаться и на французскую революцию 1871 года, которая породила не только «Интернационал» Эжена Потье. Социалистические настроения той поры вызвали на свет похожие песни и в других странах. В 1897 году поэт-революционер Леонид Радин, сидя в Таганской тюрьме, сочинил на мотив немецкой студенческой пес-

ни стихи, ставшие впоследствии известным советским маршем «Смело товарищи в ногу». Впервые эту песню исполнили сначала заключенные Таганки, а затем и Бутырской тюрьмы. В нынешние времена это стихотворение можно расценить как не совсем политкорректное, поскольку противопоставляет одно социальное сословие другому: «Вышли мы все из народа, дети семьи трудовой...». А дальше ещё хуже, обозначив свой девиз в предстоящей борьбе словом «боевой». Этому мотиву вообще досталось. Он действительно стал боевым, поскольку впоследствии им воспользовались и штурмовые отряды в Германии. Только слова там были уже другими: призывы к еврейским погромам и клятвы в верности Гитлеру.

Возмущения низов против верхов имели место во всех эпохах, однако прямой призыв к пролетариям всех стран соединяться появился лишь в конце девятнадцатого века усилиями Карла Маркса, который создал миф о пролетариате. История показывает, однако, что призывы людей к боевому действию приводят, как правило, не просто к смене власти и приходу людей «из народа», а тех, кто впоследствии является по факту врагом этого народа. Как это, например, произошло в России в 1917 году, когда к власти пришли «народные представители» без собственной родословной и подмявшие под себя родословную России. Они породили новую социальную среду, которой безразлично было и по-настоящему понятно прошлое и будущее России, а лишь их настоящее и

сегодняшнее.

Пришедшая к власти необразованная масса ввергла страну в гражданскую войну, в хаос, в нищету. Вся эта солдатня, матросня, поколение без родословной с парабеллумами предстала пред лицами российской аристократии или просто перед людьми состоявшимися, добившимися материального и духовного благополучия, людей, безусловно, образованных и достойных. Отняли их состоятельность, уверенность, надежду на достойное завтра. А тех, кто смел противиться новым порядкам, убивали самым жестоким образом. Кого не успели по каким либо причинам убрать в первые несколько лет, сделали это потом, в тридцатые и последующие годы. Цвет нации был либо уничтожен, либо вынужден был покинуть родину. С легкой руки В.И.Ленина, предводителя всей этой неграмотной массы, интеллигенция страны превратилась в «говно». Что не удивительно, если принять во внимание признание Николая Бердяева, который в своей книге «Русская идея. Истоки и смысл русского коммунизма» писал, что «...в философии, в искусстве, в духовной культуре Ленин был очень отсталый и элементарный человек, у него были вкусы и симпатии людей 60-х и 70-х годов прошлого века. Он много читал, много учился, но у него не было обширных знаний, не было большой умственной культуры... Все мышление его было империалистическим, деспотическим. С этим связана прямолинейность, узость его мирозерцания, сосредоточенность на одном, бедность и аскетич-

ность мысли, элементарность лозунгов...». И далее Н.Бердяев пишет, что диктатура вытекала из всего мировоззрения Ленина и что он утверждал не принцип большинства, а принцип подобранного меньшинства.

Думаю, что Николай Бердяев имел право на такое суждение о Ленине, поскольку хорошо знал его, прошел с ним длительный путь от истоков большевистского движения до того анализа, что приводит в упомянутой книге. «Народ безмолвствовал и ждал часа, когда он скажет свое слово. Когда этот час настал, то он оказался гонением на интеллигенцию со стороны революции, которую она почти целое столетие готовила». Более того, «...Ленин отрицал свободу и внутри партии, и это отрицание свободы было перенесено на всю Россию» (обе цитаты Н.Бердяева).

В последние годы появилось много фактов, опровергающей внушаемую нам с детских лет информацию о «добром дедушке Ленине». Вместе с тем следует отметить, что каким бы он не был, нельзя не признать величие его фигуры не только для России, но и оказавшей огромное влияние на дальнейшее развитие многих мировых процессов.

А положительное или отрицательное, это каждый определяет для себя сам.

Новые люди, пришедшие к власти, были чужды традициям русской культуры. Удивительно, что, обращаясь, порой, к лучшим умам России, цитируя их, мы потом забываем их же рассуждения и выводы о возможных и невозможных путях

развития нашего Отечества. Так, Н.Бердяев в «Судьбах России» с обнажающей откровенностью предупреждает о невозможности допущения к власти «демоса», что называется по определению – в массе своей не способной управлять государством в силу отсутствия как необходимого образования, так и высокой духовной планки. 1917 год подтвердил это более, чем убедительно и кроваво. Зато в главе «Об аристократии» четко заявляет, кто в действительности может стать во главе страны: аристократия. Плохо только одно: где ее взять сегодня эту русскую аристократию? Расстреляли, выслали, оболгали.

Новые люди, пришедшие снизу, были чужды традициям русской культуры. Не удивительно, что начиная с Николая Второго, во главе огромной страны на протяжении более столетия не оказалось ни одного достойного руководителя. Одни полуграмотные партийцы (в 1927 году только 1% коммунистов имели высшее образование)¹, которых с уверенностью можно назвать «случайными людьми». С уверенностью называю их так, поскольку считаю такую безграмотную категорию людей бездарными в политике, но преуспевшими в той партийной сутолоке, которая была характерна для советского периода и сомневаюсь, что она закончилась сегодня.

Ленин, конечно же, был умницей, и себя, безусловно, любил и баловал. Вся эта чушь, что нам внушали в школе на уроках, в пионерских отрядах и в комсомоле, в средствах

¹ Б.Янгфельдт. «Ставка – жизнь. Владимир Маяковский и его круг». 2009 г.

массовой информации, в литературе и искусстве, вся эта чушь разбивается в пух и прах, когда ты оказываешься в тех местах, где он жил. И тут от местных жителей узнаешь такое, о чем ни в каких советских книжках, безусловно, прочитать не мог.

Конечно жить в Женеве или Лозанне, в Париже или Лондоне это не учительствовать в скромном Симбирске. И так приятно коротать время на Капри под ласковым средиземноморским солнцем, поигрывая в карты (в которых, кстати, он всегда был победителем), пока уголовник под кликухой Коба (И.В.Сталин) добывал для хитрого умника финансовые средства бандитизмом. Причем последний, как оказалось впоследствии, тоже был не из дураков. Оба прикрывались лозунгами борцов за народное счастье и равноправие всех, независимо от рас и национальностей. Впрочем, это не помешало Кобе после победы «Великой Социалистической...» устроить настоящую бойню лицам любых национальностей: русских, евреев, ингушей, поляков и других без разбора. И, между прочим, тоже под благими намерениями, так сказать, для всеобщего счастья и благополучия. Конечно, он, в отличие от Ильича, не поигрывал в карты на Капри, но свое взял другим: неограниченной и непрерываемой властью после смерти Ленина.

1917 год ударил по самой главной составляющей России – по её родословной. Конечно на бескрайних просторах страны в массе своей обитал люд простой и безграмотный, при-

выкший к нищенскому своему быту и беспросветности. Любой выход из такого сословия был единичным и не всегда объяснимым. Теперь, когда теория о наследственности преодолела в нашей стране «лысенковский» порог, можно смело заявить, что одной из причин этого могло стать распространённое на Руси право барина уложить с собой любую крестьянку. Так появлялись в России Жуковские, Перовы, Герцены, Кипренские и другие выдающиеся представители науки, культуры и иные общественные деятели. Но в 1917 году к власти пришли не эти люди, а безграмотная или полуграмотная масса, производная от крестьянства. Легко внушаемая как раз в силу своей необразованности она с лёгкостью поверила в свою избранность и с готовностью приняла на себя тяжесть организации и становления новой жизни. Далее все было под копирку: кто не с нами, тот против нас. Лозунги превалировали над делами. Наган стал сподвижником материального вознаграждения. И отверженная в советские времена генетика продолжала разрушать страну, не подозревая о том, что является лженаукой, да ещё и буржуазной.

Сейчас мы с ужасом смотрим на это полнейшее властное разгильдяйство, если даже не преступление. Всё то, что мы с гордостью узнавали по пронизанным советской пропагандой фильмам, книгам, собраниям, на самом деле оказалось сначала разгулом анархии и бандитизма, а затем государственного деспотизма, при котором интересы народа приносятся в жертву мощи и организованности государства. Причем дес-

потизм принял такие угрожающие формы, что в душах людей поселился страх. Люди стали скрывать своё прошлое, родословную связь, национальную принадлежность и свои прошлые заслуги перед Отечеством, поскольку не были связаны со становлением новой власти. Более того, даже те, что приняли эту власть и способствовали её утверждению, тоже не понимали, чем из своего прошлого они могут защитить себя и свои семьи. Другие же были оболванены пропагандой до такой степени, что находили оправдание этому беспределу даже тогда, когда террор касался их самих и членов их семей. «Сила наша да будет законом правды, ибо бессилие оказывается бесполезным... Устроим оковы праведнику, ибо он в тягость нам и противится делам нашим, укоряет нас в грехах против закона и поносит нас за грехи нашего воспитания» («Премудрости Соломона», Глава 2 «Ветхого завета»).

«Так было создано, – по утверждению Н.Бердяева, – полицейское государство». Вот почему всё, что произошло в 1917 году, я, как наверняка, и многие мои соплеменники (и не только они), считаю катастрофой, имевшей чрезвычайные последствия для населения всего земного шара. И то, что эти события затронули моих родных и близких, а через них и мой дом, и меня, это бесспорно.

Однако благодаря неисчислимым природным богатствам и жесткой (если не сказать жестокой) управленческой системе Россию вновь вывели в число великих держав. Но и сегодня нас по-прежнему интересует, что творится в нашей стра-

не в наше время, когда парабеллумы уже не нужны. Или почти не нужны...

Я не просто так упомянул о коренной смене родословной после 1917 года. Мне всегда нравились семьи и люди, которые могли гордиться своей родословной. Не важно, передавали ли они своим потомкам великие открытия или большие состояния. И то, и другое являлось свидетельством огромного труда, вложенного в конкретное дело: в науку, в искусство, в хозяйствование. И это тоже были трудовые семьи независимо от того, чем они были заняты и какие регалии носили на груди и плечах своих. Ведь их результаты, всё, чем они и их потомки могли гордиться, являлись итогом большого труда одного или нескольких поколений.

История знает немало примеров, когда из простых и неимущих семей выходили люди, которые становились гордостью земли. Но никто или почти никто из них не стремились свои успехи облекать в боевые призывы. Конечно, я не абсолютизирую эту сентенцию.

Столетие советской власти (а я считаю, что она продолжается и сегодня, только в другом формате), а также события 90-х годов XX века в нашей стране изменили социальный состав российского общества. Зародились новые отношения, усилилось расслоение населения не только на богатых и бедных. В мире происходит сильнейшая интернационализация мировых процессов на самых разных и неожиданных уровнях. Взаимопроникновение экономических и куль-

турных достижений происходит стремительно. Рождаются новые взаимосвязи, сословия, имена!

Как часто сегодня мы наблюдаем появление новых имен из глубин нашей цивилизации, которые вполне могут обеспечить хорошие стартовые позиции для того, чтобы их потомки могли гордиться своей родословной и постараться её приумножить для будущих поколений.

Глава 2. Корни. Семья, детство, юность

Описание корней в контексте времени, в котором родился. Ранние годы жизни. Значимые моменты

«Наша память состоит из света и тени».
Ф.Юсупов

Начнём с воспоминаний и собственных исследований. Я говорю про исследования, потому что не всё, о чём здесь написано, плод рассказов родных и близких. Часто приходилось сопоставлять различные документы, выискивать по крупицам данные, которые удавалось раздобыть из разных источников. Очень сожалею, что в своё время не докучал бабушке и маме расспросами. Обидно, что разумные помыслы приходят подчас позже, чем следовало бы. Я, пожалуй, первый из Заманских, кто попытался отыскать свое прошлое. К глубокому сожалению о своих родных по материнской линии я ничего больше сказать не могу. Как-то так получилось, что все родственные связи по непонятной причине затерялись. О чем ныне жалею неимоверно!

Моя мама, Заманская (Гусева) Валентина Сергеевна, ро-

дилась в простой московской семье, но достаточно зажиточной. Или скажем так: ныне семья была бы отнесена к среднему классу. Отец матери, мой дед Сергей, был телеграфистом на железной дороге, по тем временам должность вполне достойная и не бедная. Семья имела собственный, довольно большой по тамошним временам двухэтажный дом в Алексеевской Слободе (в советские времена – Новоалексеевская улица), выезд и псарню. Последнее говорит о том, что кто-то из членов семьи любил охоту, но, к сожалению, об этом сказать более нечего. Выезд означал наличие лошадей, летних колясок и зимних саней. Дом и самого деда Сергея я помню хорошо. Внешне он был удивительным образом похож на хрестоматийного киношного деда Максима Горького в исполнении замечательного советского актера Михаила Трояновского.

По рассказам бабушки летом, в воскресные дни, вся семья садилась в коляски и ехала на лоно природы в Сокольники. Накануне пеклись пироги, готовилась иная снедь. В лесопарке располагались на траве на захваченных из дома подстилках и пледах, ставили самовар, выпивали, закусывали. Женщины вели бесконечные разговоры и занимались детьми, мужчины раскидывали карты, играли в «петушка».

Моя бабушка, Мария Никитична, в молодости была очень красивой женщиной. Сохранилась ее портретная фотография, где в ней угадывается порода и стать. К сожалению, её родословная неизвестна, но судя по дореволюционному

снимку... можно допустить её не простое происхождение.

У бабушки были шикарные волосы. Мама рассказывала, что однажды, когда бабушка ехала в коляске, из её волос выпала заколка, волосы сразу упали и, увидевшие это прохожие вскрикнули, испугавшись, что копна густых волос падёт в колёса коляски. Я, конечно, бабушку такой уже не знал. В моей памяти она осталась маленькой доброй старушкой, иногда втихаря подбрасывавшей своему внуку рублики, которые в те времена для пацанов были существенной поддержкой. Особенно, если вспомнить, что газированная вода с сиропом стоила 4 копейки, мороженное «эскимо» – 11, а поход в кино – 20.

Кроме красоты у бабушки было еще одно большое достоинство: она, пока сохраняла хорошее зрение, прекрасно шила. У неё были заказы и, конечно, она обшивала всех нас.

Моя бабушка, Мария Никитична. Потрясающе красива!

По тем временам я всегда был хорошо одет, ходил в аккуратно пошитых ею рубашках, курточках и модных в то время шароварах с молниями. Следует напомнить, что в послевоенные годы во всех магазинах царствовал советский легпром, и ни о каких итальянских, французских и прочих импортных тряпках никто и не мечтал. Доходило до курьёзов, когда жёны советских офицеров, вернувшись из Восточной Германии, где служили их мужья, выходили в тёплые погожие дни на улицы города в комбинациях, поскольку покупая их там, считали, что это летние шёлковые платья.

Мама была типично русской женщиной. Добрая, доверчивая, с вечной надеждой на лучшее будущее. Внешне она была весьма привлекательной: невысокого роста, но с ладной фигурой, светловолосая. Когда я родился, ей было 29 лет, и я был вторым её ребёнком. Первого, и тоже сына, Володю, она родила семью годами ранее от своего первого мужа Щеглова Павла Ивановича.

Увы, по материнской линии сведений совсем немного, почти ничего, а по отцовской – не намного лучше: годы забрали предков раньше моего осознания необходимости возвращения к их памяти. Но в ходе дальнейшего повествования что-то всё же расскажу и о них.

Мой дед по отцовской линии, Заманский Дувид Шлёмович (в народе: Давид Соломонович), родом из маленького городка Шпола бывшей Черкасской области (Украина), был

рабочим-металлистом. В 1911 году он решил уехать в Соединённые Штаты. В то время женщин, находившихся в положении, на корабль не допускали, поэтому дед отплыл один, а бабушка Бетя (Берта Самойловна, а по факту – Бейла Шмульевна), которая ожидала очередного ребёнка (кстати, моего отца), осталась с детьми в Киеве. В США дедушка пробыл недолго. Есть две версии. По одной он, устроившись на работу в США, вернулся за своими в Россию, однако начавшаяся война, а затем буржуазная и пролетарская революции, спутали все карты, и многочисленная семья Заманских осталась в новой, уже Советской, России. Другая версия представляется мне более правдоподобной, особенно после того, как моя супруга с дочерью во время пребывания в начале 2009 года в Нью-Йорке посетили Ellis Island. Совершенно неожиданно для меня они вернулись оттуда с глубоко тронувшим меня сюрпризом: документально подтвержденными сведениями о пребывании моего дедушки в США в декабре 1911 года. Во вручённой мне трубе лежали вместе с Certificate of Authenticity копии заполненных таблиц, в которых были сведения о моём деде. Я смотрел на эти бумаги и слёзы наворачивались на глаза. Эти документы были особенно удивительны на фоне моих безуспешных попыток примерно пятидесятилетней давности отыскать хоть какие-нибудь сведения о своём отце в архивах Минобороны СССР и городе Шпола. Что, кстати, не удивительно для страны, в которой мы живём. Впрочем, война списала многие грехи нашей безала-

берности.

Итак, мой дедушка, Заманский Дувид Шлёмович, прибыл в Нью-Йорк из Бремена на пароходе «Neskar» 20 декабря 1911 года. По документам, заполненным инспектором по фамилии Morrison, ему было 44 года. Отсюда можно легко вычислить год его рождения – 1867. Morrison записал, что дедушка умел писать и читать, в Киеве у него остались жена и дети, а прибыл он к своему брату, который живёт в Бруклине. Антропологические данные также были отражены: рост – 5,4 футов, глаза серые, волосы светлые. В кармане у него было 47 дойчмарок, которые он, однако, не задекларировал. Сегодня это не ахти какая сумма, но, думаю, по тем временам достаточная для начального пребывания на чужбине. Тем более, если он действительно направлялся к своему брату в Бруклин. К сожалению, далее картина становится неясной. То ли спустя три дня его посадили обратно на корабль (возможно, за попытку скрыть имеющуюся при нём наличность), то ли он всё-таки был отпущен к брату, а потом концы сплетаются с первой версией. Мне ближе версия, что он все-таки встретился с братом. Основанием для этого служит сохранившаяся фотография, сделанная дедушкой в Нью-Йорке в Goldstein Studio, которая располагалась в доме под номером 500 на South Street. На фотографии дедушка выглядит вполне, как говорят сегодня, на уровне: длинный пиджак, белоснежная сорочка, галстук с заколкой, блестящие черные туфли.

У дедушки с бабушкой было четырнадцать братьев и сестер и семеро детей, из которых двое умерли в раннем возрасте. Остались четыре сына (Мика, Сеня, Яша и Гриша) и одна дочь (Соня). В 1941 году все сыновья ушли на фронт. Не вернулся один, младшенький – Гриша, мой отец. Дедушка, единственный из семьи, кто не захотел эвакуироваться со своими детьми и супругой, умер от голода во время немецкой оккупации Днепропетровска, хоронясь от фашистов в подвале одного из домов. Бабушка умерла в шестидесятых годах, и, к моему глубокому сожалению, раньше, чем мне удалось восстановить все связи со своими родными по отцовской линии, разорванные войной и последующими событиями. Из большой семьи Заманских мне посчастливилось узнать четверых: трёх братьев и их сестру.

Вообще на именах стоит остановиться особо. Яша и Гриша, скорее всего, были Янкель и Герш. Но поскольку они жили не в местечке, а в большом городе, да еще при ранней советской власти, они взяли себе более городские имена. Возможно, были и другие причины, например, местечковый антисемитизм, довольно характерный для Украины. Вместе с тем, Яшу все друзья детства называли Юликом. Имя Юля он придумал себе сам: Юный Ленинец Яша. Что же касается Сони, то её настоящим именем было Гита, хотя никто её так не называл. Может быть, здесь кроется причина того, что одну из своих дочерей Соня назвала Гетой (Гитой?). Моего отца Гришу в семье звали Годиком.

С моим будущим отцом мама познакомилась незадолго до войны. Григорий ради неё бросил учебу в Днепропетровском металлургическом институте, приехал в Москву и поступил в Военно-политическое училище, на базе которого впоследствии была образована Военно-политическая академия имени Ленина, а ныне Военная гуманитарная. К сожалению, счастье их было недолгим, поскольку в 1941 году началась война². Все, кто знал отца, включая моего брата, рассказывали о нём только хорошее. По этим рассказам создаётся образ красивого мужчины («был похож на Маяковского») – высокого, сероглазого, наделённого к тому же недюженными музыкальными способностями. Он играл на многих инструментах, но более всего у него получалось на мандолине. Когда он входил во двор, сидевшие на скамьях пожилые люди вставали и с уважением приветствовали отца, приподняв свои картузы. Отец был очень общительным человеком и никогда не проходил мимо, не пообщавшись с ними. И только мамина просьба из окна: «Гриша, ужин стынет!» – заставляла его войти в дом.

Весной 1941 года отец, закончив училище в звании политрука, уехал в военную часть под Барановичи. Мама была в положении, на последнем месяце, поэтому поехать с ним не могла. Он должен был устроиться, получить жильё и ждать

² Заманский Григорий Давыдович, мл.политрук, МВО. Дата выбытия: 1941. Источник информации: ЦАМО. Номер фонда 33, номер описи 11458, номер дела 634. Анкета вх.номер: 041751. Приказ об исключении из списков: номер донесения 844 от 31.03.1945.

её приезда с ребёнком уже на месте. Отец получил комнату, обставил её и наполнился ожиданием. До отъезда у них были разговоры о том, каким именем назвать сына в случае моего рождения. Мама предпочитала имя Игорь, отец – Феликс. 31 мая появился на свет я. Мама послала отцу телеграмму: «У тебя родился Феликс», отец не замедлил с ответом: «Спасибо за Игоря!». Уехать к отцу мама не успела, началась война. Мой отец погиб в самом начале войны, и мне почему-то кажется, что это случилось во время тех событий, что хорошо описаны у Евгения Долматовского в его замечательной публицистической книге «Зелёная Брами». Мне страшно подумать какой была смерть моего отца. Лучше конечно, если она была бы мгновенной. Много хуже, если он попал в плен: коммунист, офицер, политработник, наконец, еврей. Мама говорила, что годы с отцом были самыми счастливыми в её жизни.

С моим братом Володей мы совершенно разные люди. Возможно от того, что у нас были разные отцы. Когда Володе исполнилось два года, мама ушла от Павла, своего первого мужа, не простив ему измены. Павел приходил к ней, просил прощения, умолял вернуться, но она не вернулась.

Мой дедушка Заманский Д.Ш.

Бабушка Бетя (Берта Самойловна) с внучкой.

Мой отец и моя мама, 1937 год. Им по 25 лет!

По воспоминаниям мамы, уже в младенческом возрасте мы с братом сильно отличались друг от друга. Появившись на свет, Володя не давал маме передышки: был беспокойным в кроватке, вечно гундосил, требовал к себе внимания. Я был полной противоположностью ему: попою материнского молочка и спать. А молоко я пил, между прочим, до 2,5 лет, да и сейчас продолжаю питать к нему (правда, теперь уже коровьему) слабость. Молока у мамы было так много, что где-то у меня был даже молочный брат. Зато потом, говорила ма-

ма, когда мы уже повзрослели, забот со мной было гораздо больше, чем с Володей. Но об этом позже.

Внешне мы с братом были не очень похожи. Если не сказать больше. Ростом примерно одинаковы, но во всём остальном... Он был плотнее меня, в то время как я очень долго оставался невероятно худым, «скелетом», предметом обожания собак. Настолько худым, что долгое время стеснялся даже раздеться где-нибудь на пляже: кости да кожа. Как я мечтал поправиться! А вот Володя наоборот: такой сухопарый мужичок. Волосы у Володи были прямые и светлее, чем у меня. Я же был обладателем настоящих кудрей, которые широкими волнами аккуратно лежали на голове. Эти кудри я выводил самым нещадным образом: после каждого мытья головы, тщательно их расчесывал и надевал на них какую-нибудь тугую шапочку. В то время мне казалось, что кудрявые волосы бывают только у девчонок. С возрастом наша с Володей внешность стала приобретать общие черты. Много позднее, когда волос на голове стало гораздо меньше, а цвет их сравнился с январским снегом, рассматривая фотографии, сделанные на речке у него на даче под Дубной, я сказал своей жене, показывая на голову, торчащую в воде: «Смотри, какая у Володьки уже большая лысина!». На что она громко захохотала и ответила: «Так это же ты на снимке!».

Помню, что в детстве я стеснялся своих пухлых губ. У молодых губы налиты соком, они пурпурны, ярки, как сочная

ягода. Мне они казались какими-то девчачьими. С возрастом губы становятся тоньше, они вытягиваются на лице в узкую полоску, часто выглядят злыми. Редко у кого из стариков лицо от этих изменений становится приятным. Как правило, доброта не сходит с интеллигентных лиц, либо с лиц людей пожилых, которые накрепко были связаны с землей, с жизнью на природе. Чем это объяснить сказать не могу, это всего лишь моё наблюдение.

Внутренний наш мир с братом тоже был очень разным. Конечно, сейчас мне трудно детализировать эту тему, но это угадывалось во всем. Володя был основательнее меня, трудолюбивее. Он относился ко всему серьёзнее, чем я, и его будущее выглядело, как, наверное, казалось не только мне, предпочтительнее. Закончив после семилетки учебу в железнодорожном техникуме, Володя уехал работать по направлению (такой был порядок тогда при окончании высших и средних учебных заведений) в небольшой городок Верховье Орловской области. То есть сразу же вступил на трудовой путь. Железнодорожный техникум – это был выбор мамы, которой было трудно одной растить двоих детей. А в этом техникуме выдавали форму и кормили обедами, что, по-видимому и было причиной маминого выбора. Спасибо за это надо сказать и брату.

Володя и я

Из Верховье Володю забрали в армию, где он служил на... бронепоезде (!), сначала в Литве, потом его передислоцировали в Крым. Так Володя из солдата был переведен в матросы. Возвращение в Москву после демобилизации было не простым. Володю не хотели прописывать к нам с мамой по причине, что он был призван в Верховье и туда же, мол, должен был и вернуться. С этой советско-бюрократической глупостью маме пришлось относительно продолжительное время бороться. Затем учеба на вечернем отделении Московского института инженеров транспорта, по прежде принятой терминологии (МИИТ).

Володя стал прекрасным специалистом в своей области, одним из создателей графитовых вставок на контакты электропоездов, что позволило отказаться от их импорта из Франции. В какой-то момент его переманили в Главный вычислительный центр Госплана СССР, где он занимался клас-

сификатором продукции стран-членов Совета экономической взаимопомощи, стал Главным специалистом Госплана. Короче: он себя сделал. Сделал упорным трудом, настойчивостью, без всяких протекций, денег и тому подобного, без чего сейчас трудно себе и представить путь неофита. Его услуги, высокий профессиональный уровень и богатый опыт были востребованы даже тогда, когда согласно возрасту он мог уже уйти на пенсию. Таким был мой старший брат.

Я же был тем, про кого говорили: «Наш пострел везде поспел». Пострела характеризовали такие черты как живость, энергичность, любопытство, стремление заглянуть в каждую щель, на каждую страницу книги, называемой «жизнь». Казалось (может быть только мне?), что я подавал надежды, большинству из которых не суждено было свершиться в силу как раз тех черт, которых у меня не было, но были в избытке у старшего брата: постоянства, трудолюбия, упорства. Как говорил один мой приятель, на пути к цели я преодолеваю длинную дорогу со многими препятствиями, которые можно было бы миновать, если бы у меня было время и желание остановиться и подумать. Но одновременно он отмечал, что этот путь я преодолеваю, хоть и со множеством шишек, но, как ни странно, примерно в те же сроки, что и другие, а иногда и раньше за счет неистребимой энергии и непостижимой скорости свершаемых мною и успешно преодолеваемых затем ошибок.

При всей несхожести с братом, начальный мой путь

несколько напоминал его дорогу. После получения мною первой специальности (обозначенной в дипломе как 007, что в принципе означало «радиолокационные устройства», а не знаменитого агента Джеймса Бонда) я, немного поработав в «почтовом ящике», был призван в армию. Для тех, кто не застал эру «почтовых ящиков» объясняю, что так назывались закрытые (секретные) научные и производственные предприятия, работавшие на военные цели. Демобилизовавшись, я поступил в МГУ им. М.В.Ломоносова на экономический факультет. И далее наше сходство с братом потерялось. Что и неудивительно, поскольку я сторонник генной эволюции в большей степени, чем доминировавшая в те годы советская концепция развития человека, отдававшая предпочтение в развитии личности социальной среде. Громадное значение оной я, кстати, не отрицаю. И наши расхождения с братом во взглядах на жизнь объясняю разными отцовскими корнями.

В линии Заманских можно отметить творческое начало. Про отца я уже рассказал. Сестра отца, тётя Соня, прекрасно играла на пианино. Причём, в семье никогда не было этого музыкального инструмента, по тем временам очень дорогого. Но пианино было у соседей. И маленькая девочка Соня частенько просила у них разрешения поиграть на нём. Соседи, по всей вероятности, ей никогда не отказывали, возможно, и сами получали удовольствие от игры ребёнка, самостоятельно освоившего, и вполне прилично для самоучки, чер-

но-белый инструмент. Мне посчастливилось однажды услышать замечательную игру тёти Сони. Профессиональные музыканты, которые слышали, как она исполняла довольно не простой для пианистов вальс Грибоедова, говорили, что играла она его (по слуху!) безошибочно.

Её братья, то есть братья моего отца, Семён и Мика, прекрасно сочиняли стихи. Делали это легко, без надрыва. Однажды, во время праздничного обеда, не помню уж по какому случаю, может быть, даже по случаю моего первого приезда в Днепропетровск, один из них произнёс тост в стихах. Другой поднялся со следующим тостом и тоже произнёс его в стихах. Первому показалось, что стихотворный тост брата был длиннее произнесённого им ранее. Самолюбие вывело его из комнаты, и минут через пятнадцать он вернулся с листом бумаги, на котором был написан, естественно в стихах, новый тост. Заслушав его, второй вышел из комнаты и через некоторое время вернулся со своим, ещё более длинным стихотворным тостом. На этом соревнование не закончилось, было с каждой стороны ещё по одной или паре поэтических итераций.

Кроме того, дядя Сеня прекрасно рисовал. Известно, что в еврейских семьях активно поощряются творческие наклонности детей, но жёны, к сожалению, не всегда поддерживают таланты или увлечения своих мужей. Где сейчас рисунки дяди Сени и сохранились ли они – не знаю, поскольку связь с его семьёй после его смерти я прекратил, не сми-

рившись с унижительным существованием в ней моего дяди. Небольшой и очень простенький рисунок сохранился у меня: грустные берёзки с поникшими ветвями, по-видимому, как напоминание о безрадостной судьбе человека их рисовавшего. Семён был тоже военным, но строителем и, по всей вероятности, не плохим. За строительство Химкинского водоканала он получил награду от М.Калинина (лично!), возглавлявшего в то время Президиум Верховного Совета СССР. Однако в собственной семье дядя Сеня не был счастлив в силу того, что его супруга вечно была чем-то недовольна и это недовольство она сумела внушить к сожалению и их двум дочерям. Я беру на себя смелость утверждать это с твёрдой определённой. Мне казалось, что в нашем доме он чувствовал себя гораздо лучше, чем в собственном. Он был счастлив, когда играл с моим сыном, и создавалось впечатление, что его собственные дети не одаривали его улыбкой.

Более других мною был любим ещё один брат отца, Яша. Он был одарён особо! Его дар заключался в поразительно добром отношении к людям, умении общаться с ними независимо от рангов и социального положения. Его отзывчивость, готовность помочь любому прохожему была удивительна. Он мог случайно услышать в какой-нибудь очереди о проблеме с железнодорожным билетом на Москву (он жил в Киеве) и тут же предложить свою помощь неизвестному ему человеку. Причём, абсолютно бескорыстно! По-видимому, в

силу его потрясающей отзывчивости у него была масса полезных знакомых, которые отвечали ему тем же: бескорыстной помощью.

В молодости Яша был очень привлекателен. Хотя Фрида, его жена, и очень остроумная женщина, в те годы также необыкновенно привлекательная, так описывала свою первую встречу с ним:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.